

Государственный музей керамики в 1928–1932 гг.: опыт построения музея «производственного типа»

Статья посвящена важному этапу в жизни Государственного музея керамики, связанного с периодом расцвета его деятельности в 1928–1930 гг. Созданный на базе фарфоровой коллекции А.В. Морозова музей стал новатором: в его составе с 1928 г. начала работать керамическая лаборатория. Также в музее был организован производственно-показательный отдел для наглядной демонстрации процесса создания керамических изделий. Эти два подразделения вывели музей на новый уровень и превратили его из художественного музея в музей «производственного типа», аналогов которому в этот период в стране не было.

Ключевые слова: государственный музей керамики, производственный музей, художественная лаборатория, С.З. Мограчев, музейное строительство.

1920-е гг. в истории СССР были отмечены новыми поисками во всех сферах культуры. Отчасти продолжая творческие начинания «серебряного века», представители искусства ищут новые формы самовыражения уже в новых реалиях зарождающегося советского государства, но они еще не скованы рамками жесткой идеологии. Это время, когда ярко заявили о себе В.В. Маяковский и С.А. Есенин, на театральных подмостках с успехом идут самобытные постановки «Камерного театра» А.Я. Таирова, в музыке новые формы ищет С.С. Прокофьев, в живописи на первый план выходят такие имена, как К. Малевич, А.М. Родченко и другие.

Не обошли «новые веяния» и, казалось бы, такой консервативный институт, как музей. Это время активного «музейного строительства». Многие из вновь образованных музеев были уникальны

не только по составу своих коллекций, но и по своей концептуальной составляющей. Несмотря на обширную библиографию советского музейного дела, приходится констатировать, что в основном научный интерес специалистов направлен на изучение законодательства указанного периода. До последнего времени за рамками профессионального внимания оставались вопросы, связанные с историей возникновения и деятельностью отдельных музеев. Между тем изучение причин появления новых музеев, а также детальное обращение к опыту их работы могло бы внести существенный вклад в развитие отечественной музеологии.

Одним из таких новых советских музеев стал Музей фарфора (Государственный музей керамики), открытый в 1919 г. на основе собраний А.В. Морозова. Вопросы, связанные с историей формирования и бытования морозовских коллекций, в том числе и в контексте истории Государственного музея керамики, уже неоднократно освещались в работах исследователей¹. В рамках предложенной статьи мы впервые обращаемся к малоизвестным ранее страницам в истории Государственного музея керамики, которые до настоящего времени не нашли отражения в научной литературе. Музей фарфора – это первый специализированный музей в Москве, на базе которого была предпринята попытка построения музея нового типа – «производственного». В его деятельности осуществлялся симбиоз традиционной музейной работы и научно-исследовательского учреждения: эксперимент осуществлялся совместно с первым советским НИИ – «Институтом силикатов»². Эта самобытная страница советского музейного строительства до последнего времени находилась за рамками исследовательского интереса, а термин «производственный музей» не используется в музейной типологии. Также мы попытаемся выявить те факторы, которые имели решающее значение в деле сохранения музея и его коллекций в конце 1920-х гг., когда многие музеи были закрыты, а их фонды оказались расформированы.

Термин «производственный музей» на протяжении периода советского музейного строительства включал в себя разное смысловое и функциональное наполнение. По нашему предположению, он впервые встречается в Протоколе № 7 заседания Коллегии по делам музеев Наркомпроса от 15 февраля 1921 г. Заседание было посвящено результатам обследования пролетарских музеев³. В результате доклада Н.Г. Машковцева было решено «признать пролетарские музеи подлежащими в общем ликвидации в целях создания на их месте художественных клубов и производственных музеев»⁴. Об этом же писал в мае 1920 г. Н.Д. Виноградов в докладе

«О достижениях в работе и о планах на будущее Мосгубмузея»: «В музейной области Мосгубмузей надеется провести до конца реорганизацию Пролетарских музеев по производственному принципу»⁵. Так, в Первом Пролетарском музее было решено большую часть экспозиции отвести для демонстрации стекольного и фарфорового производства «на всем его протяжении с середины XVIII в. до наших дней»⁶.

Новый интерес к музеям, связанным с производством, появился во второй половине 1920–1930-х гг. благодаря идеологии социалистической реконструкции быта, или идеологии «нового быта». О доминировании «мещанского» вкуса в товарах повседневного спроса и в бытовых предметах заявлял искусствовед и художественный критик Игнатий Хвойник. Он призывал к борьбе в промышленном масштабе за «качество формы» при помощи тесного сотрудничества промышленности и искусства⁷. Эту же мысль проводит в своей статье «Искусство как организатор быта» и Борис Земенков. По мнению автора статьи, от искусства требуется идеологическая и производственная помощь создателям новых вещей⁸.

В статьях 1920-х гг., посвященных музейной тематике, достаточно часто звучит призыв к организации музейных экспозиций и выставок с учетом интереса и вовлеченности посетителя. Интерес советских музейных посетителей к технико-производственной стороне искусства был отмечен корреспондентом бельгийского журнала «Selection» во время его командировки в Москву⁹.

О признании со стороны руководящих музейных органов необходимости построения «производственных музеев по принципу их специализации» сообщает в своем годовом отчете за 1927–1928 гг. директор Музея фарфора С.З. Мограчев¹⁰. В этом же документе он характеризует свой музей как «музей историко-художественный производственного типа»¹¹. В области научно-исследовательской работы музея подчеркивалось исследование керамики не только с точки зрения художественного искусства, но и с позиций изучения технологий и производства.

Отметим, что в 1926 г. намечалась трехмесячная командировка директора Музея фарфора С.З. Мограчева в Германию, Францию и Англию (к сожалению, мы не располагаем сведениями о том, была ли эта поездка осуществлена). В ходе поездки предполагалось знакомство с новейшими производственными достижениями в области керамической промышленности, «в особенности в области механизирования труда и массового производства», так как Музей фарфора «строится на производственном принципе и должен все ближе связываться с производством»¹².

В 1927 г. в статье, посвященной обзору выставки «Элементы русского быта в фарфоре», Музей фарфора характеризуется как «единственный специализированный историко-производственный музей керамики» на всю центрально-промышленную область СССР¹³. По мнению автора, Музей фарфора должен быть использован «как школа высшего художественного мастерства для наших керамистов»¹⁴.

Постановлением СНК РСФСР от 06.07.1929 г. Государственный музей фарфора был переименован в Государственный музей керамики «в виду организации при нем специальной производственной лаборатории по керамическому производству и расширению его коллекций»¹⁵.

В течение 1929–1930 гг. музей в полной мере превратился в музей нового типа – «музей-лабораторию», который во главу угла своей практической деятельности ставил «осуществление реальной связи науки, искусства, промышленности и торговли»¹⁶.

Музей подразделялся на восемь отделов. Его штат насчитывал 34 человека. По определению Мограчева, керамическая лаборатория являлась «нервным центром музея», через который осуществлялась связь научно-исследовательской работы с насущными задачами керамической промышленности, профтехническим образованием и торговлей¹⁷.

В задачи лаборатории входило:

- выработка новых образцов изделий для керамической промышленности на основе «всех достижений прошлого»;
- изучение форм и законов построения сосудов;
- рационализация существующих форм и стандартизация новых форм изделия применительно к потребностям нового быта;
- анализ результатов изучения старых керамических материалов и нахождение новых¹⁸.

Заведующим лабораторией до 5 января 1930 г. был Александр Васильевич Соловьев, который начал работать в музее с января 1929 г. Кроме него, в штате лаборатории состояли три художника-керамиста: Ирина Илларионовна Рождественская (с 5 января 1930 г. и. о. завлаборатории), Наталья Петровна Гаттенберг и Екатерина Петровна Иловайская, в обязанности которых входило составление рисунков и роспись изделий (в среднем 9–10 рисунков в квартал и 2–3 росписи). Глазуровку и обжиг изделий осуществляли квалифицированные рабочие С.Г. Бураков, В.И. Ванюшов и И.П. Свирин (все в штате музея с 1929 г.), производившие от 12 до 15 обжигов в квартал.

За недолгое время своей работы музейная лаборатория установила сотрудничество с мастерами Гжели, живописцами Палеха (под руководством сотрудников лаборатории в Палехе должно было быть организовано производство росписи фарфора и фаянса). Постоянное сотрудничество прослеживается с художниками Дмитровской и Дулевской фарфоровых фабрик. Сотрудники лаборатории принимали активное участие в разработке образцов стандартной посуды¹⁹ и посуды для экспорта²⁰.

Еще одним новаторским подразделением был показательно-производственный отдел, за организацию которого в музее отвечала археолог по образованию Софья Валентиновна Филиппова. В рамках отдела устанавливалась связь с действующими фарфорово-керамическими заводами и фабриками и торговыми организациями. И если керамическая лаборатория выступала в роли творческой мастерской, то производственно-показательный отдел наглядно демонстрировал процесс производства керамических изделий.

1930 г. музей встречал налаженной работой: было установлено взаимодействие с заграничными научными учреждениями – велась переписка с Британским музеем, Майсенской мануфактурой, Международным институтом керамики в Фаэнце.

Тем не менее постановлением ВЦИК и Комиссии по разгрузке г. Москвы от 10.04.1930 г. 1 мая 1930 г. музей был закрыт. Здание по адресу Б. Знаменский пер., д. 8 было передано в ведение Института Маркса и Энгельса. Пока вопрос о дальнейшей судьбе ГМК и его коллекций не был решен, его фонды временно были размещены в четырех местах в Москве: в двух музеях – ГИМ, ГМИИ и двух церквях – Козьмы и Дамиана (в основном хозяйственные материалы) и Грузинской Божией Матери на Варварке (Троицы в Никитниках). Оборудование художественно-керамической лаборатории было передано Кооперативному Товариществу «Художник»²¹.

Об этом периоде С.З. Мограчев писал следующее: «Общие же условия работы в особенности за 1930–1931 были чрезвычайно тяжелы: свертывание собрания (б. 20 000 предметов), их упаковка, распаковка, просмотры материала и выдачи в постоянной пыли, сырости и холоде (временами минус 7–10, как это имело место в Грузинской и Козмодемьянской церквях) сильно пошатнули здоровье всех сотрудников музея...»²².

30 ноября 1930 г. выходит постановление президиума ВЦИК о пересмотре всех собраний Музея керамики и о выделении из них материала для других музеев и для ликвидации. На исполнение распоряжения отводился один месяц. Именно в этот мо-

мент существовала наиболее реальная угроза полной ликвидации музея.

2 декабря 1930 г. по распоряжению Главнауки была назначена комиссия «для обследования ГМК и перспектив его дальнейшей работы в составе т. Замошкина (председатель) и т-ей Григоренко и Мограчева (члены)»²³. В ходе работы комиссии рассматривались возможности переезда коллекций в Ленинград для объединения с собранием бывшего музея барона Штиглица для организации нового производственного музея с лабораторией и мастерской²⁴. Однако члены комиссии особо подчеркивали в своем докладе то обстоятельство, что «ГМК совершенно необходим Москве, как в центре и в области [sic], насчитывающей 39 заводов с работающими на них 10 000 рабочих, где сосредоточена выработка сортов обиходной посуды и предметов художественного характера, а кроме того, музей должен сыграть большую роль в подготовке кадров и повышении классификации рабочих керамической промышленности»²⁵.

Необходимо подчеркнуть, что музей был закрыт, но не ликвидирован. Особая заслуга в этом принадлежит не только директору С.З. Мограчеву, но и заведующему Сектором науки Наркомпроса И.К. Лупполу. Вот выдержка из его письма в комиссариат рабоче-крестьянской инспекции: «...считаю неправильным передачу штатных единиц и сотрудников Музея керамики в другие музеи, а также все другие подобные проявления вмешательства Комиссии по чистке в оперативную работу музеев. До распоряжения коллегии Наркомпроса никакая ликвидация музея, в каких бы формах она ни производилась, не может иметь места»²⁶.

Открытым до сегодняшнего дня остается вопрос, кто и когда впервые озвучил возможность перевода ГМК в Кусково. В статье Э.Б. Самецкой указывается, что данное решение явилось результатом работы вышеозначенной комиссии²⁷. Однако уже 1 января 1931 г. Мограчев в своем письме в Наркомпрос указывает на то, что вопрос о переводе музея в Кусково «отпадает»²⁸. Тем не менее позднее, в июле 1931 г., в своем обстоятельном докладе в Наркомпрос «О положении и состоянии Государственного музея керамики» директор отмечает, что «Кусково в целом представляет громадные потенциальные возможности для развертывания там Музея керамики и большой производственной работы»²⁹.

Осознавая, что средствами Наркомпроса воссоздать музей в полном объеме (вместе с керамической лабораторией) не получится, Мограчев заявлял о необходимости если не переподчинения музея ВСНХ, то хотя бы значительной финансовой поддержки со стороны Высшего совета народного хозяйства. По мнению Сергея

Захаровича, «вне связи с производством, вне координирования сил и производственных планов Наркомпроса и ВСНХ Музей керамики с его лабораторией существовать не могут»³⁰. В то же время директор музея вынужден заметить, что со стороны Наркомпроса он наблюдает «полубезразличное» отношение, а со стороны ВСНХ – «безразличное» отношение к вопросу о дальнейшей судьбе музея.

Особо стоит отметить, что идея перевода в Кусково ГМК находила ярых противников и в лице сотрудников Музея-дворца, и среди «местной общественности». Была развернута целая кампания, которая, в том числе, нашла отражение и в прессе. Так, в газете «Ухтомский пролетарий» № 29 от 8 сентября 1931 г. была помещена статья за подписью «И. П.» под названием «Кусковский музей должен остаться в Ухтомском районе»: «Музей «Кусково» – единственный музей Ухтомского района... на днях должен “волею отдельных работников Главнауки” уплотниться, [приказано] разместить в этом помещении фарфоровый музей, ничего общего никогда с Ухтомским районом не имеющих... МОНО и Главнауке следует считаться с общественностью»³¹.

Сложность ситуации заключалась в том, что усадьба Кусково находилась в подчинении Московского отдела народного образования (МОНО), в то время как Музей керамики находился в ведении Главнауки Наркомпроса. Каким образом должны были сосуществовать эти два музея на одной территории? Должно ли произойти их слияние или соподчинение? Во многом бюрократическое урегулирование данных вопросов порождало недопонимание и конфликт. Необходимо было учитывать и находящиеся на территории усадьбы немусейные организации. Поэтому ГМК со своими коллекциями необходимо было разместиться в относительно небольшом музеефицированном пространстве Кусково. МОНО принципиально не возражал против объединения музеев, но при условии сохранения музея-дворца и выделения специального помещения для районного краеведческого музея, посвященного истории Ухтомского района³².

Для разрешения конфликтной ситуации 15 сентября 1931 г. состоялось заседание Комиссии по вопросу объединения музея «Кусково» и Музея керамики. Комиссия постановила передать Дворец со всеми принадлежащими ему помещениями Музею керамики для развертывания там под руководством сектора науки НКП музея керамики с его художественно-керамической лабораторией и с секторами помещичьего быта XVIII века и краеведческого районного сектора³³. Однако, несмотря на выработанную договоренность, до конца вопрос о слиянии музеев решен не был. И в мае 1932 г. был заключен

договор между МОНО и ГМК о временной аренде, сроком на 6 лет, Государственным музеем керамики зданий, находящихся на территории Кусково, включая часть дворцовых интерьеров³⁴.

В конце второго десятилетия XX в. с музейной карты Москвы навсегда исчезли такие самобытные музеи, как «Бытовой музей 1840-х годов», Музей мебели, Пролетарские музеи. Их коллекции растворились в фондохранилищах крупнейших музеев. Такая же участь могла бы постигнуть и Государственный музей керамики, если бы не активные действия директора музея С.З. Мограчева, стойкая позиция по вопросу сохранения музея И.К. Луппола, а также самоотверженность рядовых музейных сотрудников. Представляется, что уникальный опыт работы Государственного музея керамики в качестве музея «производственного типа» заслуживает самостоятельного и самого пристального изучения со стороны исследователей музейного дела.

Примечания

- ¹ Об истории Государственного музея керамики см.: *Мозжухина Т.А.* Единственный в России: Государственный музей керамики в Кускове. М.: Тритона, 2011; *Самецкая Э.Б.* А.В. Морозов и создание Государственного музея керамики // Музей–6: Художественные собрания СССР. М.: Советский художник, 1986; *Самецкая Э.Б.* Художественно-керамическая лаборатория в Государственном музее керамики: 1918–1930 гг. // Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства: Научные чтения памяти В.М. Василенко: Сб. ст. Вып. 3. М.: [Б.и.], 2001; *Яхненко Е.В.* История Государственного музея керамики (1918–1938): к 80-летию создания музея // Дворец. Усадьба. Заповедник: Материалы научной конференции, посвященной 90-летию организации московского музея-усадьбы «Останкино». М.: ИТРК, 2010.
- ² 3 октября 1918 г. Постановлением Коллегии Главстекло была организована Лаборатория при научно-техническом отделе Главстекла. 01.07.1919 г. Лаборатория была переведена в ведение научно-технического отдела ВСНХ и переименована в Государственную испытательную стекольно-керамическую станцию. В 1921 г. станция была преобразована в Государственный экспериментальный институт силикатов (РГАЭ. Ф. 8031. Оп. 1. Ед. хр. 65: Отчет о деятельности ГЭИС 1924/1925. Л. 66).
- ³ Пролетарские музеи были образованы в Москве в результате деятельности Комиссии Моссовета по охране памятников. К 1920 г. было создано восемь подобных музеев на основе крупных частных собраний (некоторые из них имели филиалы).
- ⁴ ГА РФ. Ф. 2307А. Оп. 3. Ед. хр. 21. Л. 10.
- ⁵ Цит. по: *Овсянникова Е.Б.* Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников // Советское искусствознание. 1981. № 2 (15). [Б. м.: Б. и.], 1982. С. 302.

- ⁶ Овсянникова Е.Б. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников // Советское искусствознание. 1981. № 2 (15). [Б. м.: Б. и.], 1982. С. 325. Примеч. 44.
- ⁷ Хвойник И. Борьба за качество формы в промышленности: К постановке вопроса (окончание) // Советское искусство. М.: Гос. изд-во, 1926. № 4. С. 25.
- ⁸ Земенков Б. Искусство как организатор быта // Советское искусство. М.: Гос. изд-во 1926. № 8–9. С. 46–47.
- ⁹ Наше музейное дело в отражении иностранцев // Жизнь искусства. Петроград: Изд-во «Отдел управления Петрогубисполкома», 1924. № 39. С. 15.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 406А. Оп. 12. Ед. хр. 1929. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 4.
- ¹² Отдел рукописных, печатных и графических фондов (ОРПГФ) Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1926. Ед. хр. 10. Л. 1.
- ¹³ Козв А. Элементы русского быта в фарфоре // Керамика и стекло. М.: [Б. и.], 1927. № 12. С. 433.
- ¹⁴ Там же. С. 434.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 2307А. Оп. 14. Ед. хр. 21. Л. 34.
- ¹⁶ Там же. Ф. 406А. Оп. 11. Ед. хр. 1361. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Л. 2.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Колхозцентр предложил музейной лаборатории взять на себя работу по выработке моделей посуды для колхозов.
- ²⁰ От Берлинского торгового представительства был получен заказ на производство 100 образцов майолики.
- ²¹ В сентябре 1928 г. было образовано промысловое кредитное товарищество «Художник», реорганизованное 2 июля 1932 г. во Всероссийский кооперативный союз работников изобразительных искусств.
- ²² ГА РФ. Ф. 2307А. Оп. 16. Ед. хр. 25. Л. 33.
- ²³ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба XVIII в.»: Акты за 1931–1933 гг. Ед. хр. 5. Л. 2.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 2307А. Оп. 16. Ед. хр. 25. Л. 27.
- ²⁵ Там же. Л. 5.
- ²⁶ Там же. Л. 12.
- ²⁷ Самецкая Э.Б. А.В. Морозов и создание Государственного музея керамики // Музей–6: Художественные собрания СССР. С. 165.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 2307А. Оп. 16. Ед. хр. 25. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 35.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 48.
- ³² Там же. Л. 53.
- ³³ Там же. Л. 54.
- ³⁴ Там же. Л. 13.